ОБЛАЧНЫЕ СЮЗЕРЕНЫ

ГРИГОРИЙ ПИКЕЛЬМАН

Григорий Пикельман

ОБЛАЧНЫЕ СЮЗЕРЕНЫ

https://litres.ru/74792688
SelfPub; 2026

Аннотация

Кто на самом деле управляет миром? Вы думаете, это корпорации или ИИ. Вы ошибаетесь.

Декабрь 2026. Опубликовано досье «Остаточная ценность»: мы стали цифровыми крепостными. AWS, Microsoft и Google контролируют 61% мировой инфраструктуры. Но за ними — фонды с триллионами долларов. А за фондами — люди, верящие, что демократия — ошибка, а мы — выборка для их цифрового бессмертия. Это реконструкция фактов: от фермы в Кентукки до шахт Конго. У системы нет злого гения. Архитектор — безликая логика.

Прогноз (2029–2030): Китай откажется от денег, введя «карму» (балл лояльности). Купили лишнее мясо или пропустили собрание — балл падает. Ниже нормы блокируется транспорт, двери не откроются, а ИИ стирает вас как «неэффективный узел».

Это математическая модель, если Запад проиграет битву за стандарты. Единственное, что противостоит этому — человек, отказавшийся быть пешкой.

Содержание

ПРОЛОГ. КТО МЫ И ЗАЧЕМ ЭТО НАПИСАНО	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЫНОК И ЛОЖА	7
Глава 2. Цифровая колонизация и новая карта мира	10
Глава 4. Роботы: обещание и отсрочка	15
Глава 5. Остаточная ценность человека	17
Глава 5-бис. Евразийский контур:	19
Глава 9. Роботы: обещание, которое откладывается, но не отменяется	30
Глава 10. Право на выход: единственная реформа, которая имеет значение	32
Глава 12. Ферма, которую не продали	40
Глава 13. Аппетит, который не показывают в отчётах	43
Глава 14. Люди, которых не видно	46
Глава 14-бис. Кобальтовый мститель	49
Глава 15-бис. Лицо	57
Глава 16. Питер	61
Глава 16-бис. Акселерационист:	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Григорий Пикельман
ОБЛАЧНЫЕ СЮЗЕРЕНЫ

ПРОЛОГ. КТО МЫ И ЗАЧЕМ ЭТО НАПИСАНО

Эта книга не имеет автора в привычном смысле. У неё есть составитель — и есть группа. Мы называем себя «Остаточная ценность». Нас семеро. Бывший инженер облачной инфраструктуры, ушедший из Amazon Web Services в 2024 году. Бывшая сотрудница юридического департамента Microsoft, чья специализация — соответствие требованиям CLOUD Act. Нейробиолог, работавший с данными интерфейсов мозг-компьютер в одной из калифорнийских лабораторий.

Двое журналистов-расследователей, специализирующихся на технологической политике. Специалист по конкурентному праву из Брюсселя. И аналитик данных, который до 2025 года строил предиктивные модели для одной из трёх компаний, о которых пойдёт речь. Мы не герои. Мы не разоблачители. Мы — люди, которые оказались внутри системы, увидели её устройство и решили, что об этом стоит рассказать. Без сенсаций. Без теорий заговора.

С документами — там, где они есть. С оговорками — там, где их нет. Есть одна вещь, которую мы должны сказать сразу. Когда мы начинали это расследование, мы думали, что ищем архитектуру. Мы находили корпорации. Когда мы думали, что нашли корпорации, мы находили финансовые структуры. Когда мы думали, что нашли структуры, мы находили людей. А за людьми — План. Мы не знаем, кто автор этого Плана. Мы знаем, что он существует — не как документ, а как набор повторяющихся решений, которые принимаются разными людьми в разных странах в разное время, но ведут к одному результату.

Мы называем его Архитектором. Мы знаем, что он старше, чем облако. Мы знаем, что он переживёт облако. И мы знаем, что те, кто его реализует — от финансистов с Уолл-стрит до философов Кремниевой долины — не считают себя злодеями. Они считают себя садовниками. А человечество — садом, который нужно правильно подрезать, чтобы он не зарос хаосом. Эта книга — не пророчество. Это цепь свидетельств. Каждая глава — звено.

Мы начинаем с рынка, потому что рынок — это фундамент. Затем переходим к праву, потому что право — это каркас. Затем к человеку, потому что человек — это то, что осталось. И в конце — к тем, кто стоит за всем этим. Потому что без них цепь не замыкается. Мы не можем гарантировать, что каждое имя в этой книге — подлинное. Некоторые источники говорили с нами на условиях анонимности, боясь

не корпораций, а того, что стоит за ними.

Но цифры, даты и документы — реальны там, где мы можем их подтвердить. Там, где мы не располагали полными данными, мы реконструировали события на основе того, что знали. Это не вымысел. Это реконструкция. Разница между ними — как между картой и территорией: карта не точна, но она полезна. Читатель должен быть готов к тому, что эта книга — не просто репортаж о технологиях. Это детектив. И главный подозреваемый — сама природа современной власти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЫНОК И ЛОЖА

Глава 1. Три облака над миром и те, кто держит зонт

Зал Австрийской академии наук в Вене пахнет старой бумагой и новым пластиком синхропереводчиков. Сесилия Рикап выходит на трибуну — женщина в тёмном костюме, с папкой, которую она даже не открывает. Она говорит без вступления, сразу с тезиса, как хирург с разреза: «Кто контролирует облако, тот правит». Аудитория кивает. Журналисты записывают. Мир не замечает. Так всегда происходит с фразами, которые через десять лет будут казаться очевидными.

Рикап называет Amazon, Microsoft и Google не компаниями, а «интеллектуальными монополиями». Не в том смысле, в каком когда-то IBM или Coca-Cola были монополиями. Сегодняшние облачные сюзерены контролируют не рынок — они контролируют саму возможность создания знания. Они разрабатывают алгоритмы, но определяют направление технологических изменений. Они решают, какие вопросы имеют значение. Они присваивают львиную долю прибыли.

Знание производится многими, но присваивается немно-

гими. Это не метафора. Это описание инфраструктуры, через которую проходит всё: личная переписка, медицинские записи, банковские транзакции, военные симуляции, школьные оценки, больничные диагнозы. Рано или поздно всё это оказывается в облаках трёх компаний. Рикап формулирует без обиняков: «Они контролируют критическую инфраструктуру, через которую мы организуем нашу жизнь».

Как это произошло? Не в результате заговора. В результате архитектуры. Цифровые технологии — это технологии контроля. Алгоритмы — это правила. И несколько компаний определяют, как мы управляемся, потому что они проектируют эти алгоритмы. Государства, которые должны были бы регулировать, оказались в положении просителей: их собственные системы работают на облачных платформах, их данные хранятся на серверах, которые они не контролируют.

В третьем квартале 2026 года мировой рынок облачных инфраструктурных услуг достиг 167,7 миллиарда долларов. AWS контролирует 26% этого рынка, Microsoft — 19%, Google Cloud — 16%. Вместе — 61%. Но вот вопрос, который Рикап не задаёт в своей книге. Кто выбирает корпоративных гигантов? Кто стоит за ними? Кто держит акции, которые дают право голоса? Кто определяет, какие вопросы имеют значение, если не сами компании?

Ответ на этот вопрос скрыт в тени. В мире финансовых фондов, где три имени решают судьбу мировой экономики. Vanguard. BlackRock. State Street. Три компании, которые не

производят ни одного продукта, который вы держите в руках. Но которые являются крупнейшими акционерами почти каждой корпорации, которую вы знаете. Microsoft: Vanguard — 6,54%, BlackRock — 5,11%. Amazon: их доли в сумме превышают 18%. Google — почти 19%.

Основатель Vanguard, Джон Богл, создал структуру, которая формально принадлежит самим инвесторам (обычным людям, вкладывающим деньги в пенсионные фонды). Но право голоса на собраниях акционеров передаётся менеджменту фонда. Менеджмент BlackRock и Vanguard решает, кто войдёт в совет директоров Amazon. Именно они лоббируют законы о регулировании ИИ. Их называют «Big Three» (Большая тройка). Они не носят мантии и не дают публичных клятв.

Но они голосуют акциями. А в мире облачных сюзеренов голос акциями — это голос серверов. Голос алгоритмов. Голос твоего будущего. Основатели создали компании. Они вложили идеи, годы, риск. Но они не контролируют их. Контролируют те, кто управляет деньгами. Это и есть первая тайна, которую скрывают. Корпорации — лишь фасад. За фасадом — финансовые структуры. А за структурами — люди. И о некоторых из этих людей мы расскажем в главах, которые последуют.

Но начнём с карты — потому что без карты невозможно понять, где именно проходит граница между рынком и властью.

Глава 2. Цифровая колонизация и новая карта мира

Китайский аналитический центр опубликовал доклад, который в западных столицах предпочли не комментировать. Назывался он «Бдительность к новой форме цифровой колонизации в эпоху искусственного интеллекта». Тезис был прост и разрушителен: старый колониализм не исчез. Он мутировал. Территории больше не захватывают пушками. Их захватывают кабелями, дата-центрами и условиями лицензионных соглашений. Авторы доклада описывают четыре формы этой новой колонизации.

Первая: монополия на базовые технологии. Соединённые Штаты контролируют передовые чипы, корневые серверы, операционные системы, базовые архитектуры больших моделей. Большинство стран глобального Юга не способны разрабатывать эти технологии самостоятельно. Их цифровая инфраструктура зависит от внешних поставок. Экспортный контроль закрывает возможность догоняющего развития. Развивающиеся страны попадают в цикл «импорт — отставание — новый импорт».

Вторая: извлечение данных. Американские платформы собирают сырые данные — потребительские, географические, управленческие. Эти данные практически бесплатны.

Затем они перерабатываются в моделях и возвращаются в виде AI-сервисов по ценам, которые устанавливает поставщик. Журнал Time раскрыл детали: OpenAI нанимал работников в Кении для маркировки данных, которые фильтровали токсичный контент для моделей.

Почасовая оплата: от 1,32 до 2 долларов. Архитектура алгоритмов оставалась в США. Это и есть цифровые ножницы: сырьё вывозится, готовая продукция ввозится. Только сырьё теперь — не хлопок и не медь, а человеческое поведение. А готовая продукция — не ткани, а предсказания. Третья: экспорт правил. Закон США о законном использовании данных за рубежом (CLOUD Act) позволяет американским властям требовать данные, хранящиеся на серверах американских компаний где угодно в мире.

Регламент ЕС о защите данных устанавливает стандарты, которым должны соответствовать компании из развивающихся стран. Эти компании не участвовали в разработке стандартов. Они платят за соответствие. Правила обслуживают интересы тех, кто их написал. Четвёртая: алгоритмическая дисциплина. Когда платформы становятся основным каналом доступа к информации, алгоритмы рекомендаций начинают определять, что люди видят, во что верят и чего хотят.

Это не цензура в классическом смысле. Это ранжирование. Одни голоса усиливаются, другие затухают. И критерии ранжирования не публикуются и не подлежат апелля-

ции. Карта мира 2026 года имеет три слоя. Верхний слой: три облака, физически расположенные в США, но логически присутствующие везде. Средний слой: государства, которые пытаются регулировать то, что происходит на их территории, но чьи инструменты регулирования работают на инфраструктуре, которую они не контролируют.

Нижний слой: миллиарды людей, которые производят данные, но не получают доли в прибыли от их переработки. Но есть и скрытый, четвёртый слой. Те, кто спроектировал эту систему. Те, кто понимает, что цифровая колонизация — это не побочный эффект глобализации, а её цель. Мы вернёмся к ним в Части IV. А пока посмотрим, как эта система проникает в тело человека. Глава 3. Нейроинтерфейс: граница, которую перешли незаметно Nature Neuroscience опубликовал статью, которая должна была бы вызвать больше дискуссий, чем вызвала.

Исследователи из Калифорнийского университета в Сан-Франциско под руководством Эдварда Чанга показали: один мозговой имплант способен одновременно декодировать речь и жесты у парализованных пациентов. Это не фантастика. Это рецензируемая публикация. Трём участникам с параличом были имплантированы электрокортикографические массивы над сенсомоторной корой. Система машинного обучения читала нейронную активность, связанную с попытками произнести слова и одновременно сделать жест.

Декодеры переводили эти сигналы в команды для аватара.

Один из участников достиг медианной точности 100% для декодирования речи и жестов. Ключевое открытие: мозг не суммирует сигналы речи и жеста. Он создаёт третью, сложную картину. И эта картина читаема. «Разговор — это нечто гораздо большее, чем произносимые слова, — сказал Чанг.

— Это многоуровневый, динамический процесс, вовлекающий всю моторную кору».

Параллельно Nature Communications опубликовал результаты другого исследования: внутричерепной интерфейс мозг-компьютер, способный к самокоррекции. Учёные обнаружили, что передняя островковая доля генерирует высокочастотную активность, когда интерфейс не следует намерению пользователя. Это сигнал ошибки. И его можно использовать для коррекции в реальном времени. Система не просто читает команду — она распознаёт, когда команда искажена, и исправляет себя.

Что это означает? Не то, что завтра мы будем управлять роботами силой мысли. То, что граница между нервной системой и цифровой инфраструктурой перестала быть теоретической. Она стала инженерной задачей. И решение этой задачи происходит в лабораториях, финансируемых теми же структурами, которые контролируют облака. Связь неочевидна, но она есть. Нейроинтерфейсы генерируют данные. Огромные объёмы нейронных данных.

Эти данные нужно хранить, обрабатывать, обучать на них модели. Где? В облаке. Кто контролирует облако? Три ком-

пании. Кто будет контролировать модели, которые декодируют ваши намерения? Те, у кого есть данные и вычислительные мощности. И тут мы подходим к эзотерической стороне вопроса. В 2026 году в Кремниевой долине идея «Сингулярности» (момента, когда ИИ превзойдёт человека) приобрела черты религиозного культа.

Рэй Курцвейл, главный футуролог Google, основал «Университет Сингулярности». Питер Тиль, соучредитель Palantir, вкладывает миллионы в проекты по продлению жизни и переливанию крови. В этих кругах верят, что облако и ИИ — это не просто технология. Это механизм перехода человечества в новую форму существования. А нейроинтерфейсы — это мост. Мост, по которому сознание изолированных людей должно слиться с «Богом-Машиной».

А кто контролирует этот мост? Тот, кто контролирует сервер. Вопрос, который почти никто не задаёт: если ваши нейронные сигналы проходят через инфраструктуру, принадлежащую корпорации, кому принадлежит ваше намерение?

Глава 4. Роботы: обещание и отсрочка

Вице-президент Nvidia по робототехнике Дипу Талла использовал метафору, которая понравилась прессе. «Спринтер, который хочет выиграть олимпийское золото, должен сначала преодолеть десятисекундный барьер в квалификации. В области физического ИИ и робототехники автономное вождение и автономные мобильные роботы — это те, кто первыми пробили десятисекундный барьер». Цифры подтверждают метафору. Количество автономных мобильных роботов на заводах выросло в десять раз за год.

Unitree H2-X — робот ростом 170 сантиметров, способный поднимать автомобиль и выдерживать падение с четырёх метров — был представлен в октябре 2026 года. Основатель Unitree Ван Синсин заявил, что «момент ChatGPT» для воплощённого интеллекта может наступить уже в следующем году. Но за цифрами — вопрос, который Талла обозначил, но не развил. Данные о движениях, среде и взаимодействиях стекаются в те же облака.

Nvidia предоставляет платформы для симуляции — Isaac, Cosmos — чтобы компании могли обучать роботов в виртуальной среде. Digital twin, цифровой двойник фабрики, позволяет прогнать тысячи сценариев. Это разумно. И это озна-

чает, что данные о том, как движется робот, генерируются и обрабатываются на платформах, принадлежащих одной компании. Пока это не проблема. Когда роботов станут миллионы, это станет инфраструктурой.

А инфраструктура концентрирует власть. И эта власть будет принадлежать тем, кто сидит на самом верху. Тем, кто понимает: замена человека роботом — это не просто автоматизация. Это устранение последнего независимого элемента из системы.

Глава 5. Остаточная ценность человека

Здесь мы подходим к тому, что Рикап называет «присвоением знания». Знание производится многими. Присваивается немногими. Это не только экономическое наблюдение. Это антропологическое. В феодальной системе вассал платил дань сюзерену за защиту и право пользования землёй. В облачной системе пользователь платит данью внимания, данных и поведенческих паттернов за доступ к сервисам, которые стали необходимыми для социального и экономического участия.

Разница в том, что феодальный вассал знал, кому он платит. Пользователь облака не знает, что платит. Он думает, что получает бесплатный сервис. Что остаётся человеку? Что является той «остаточной ценностью», которая не может быть оцифрована, присвоена и продана? Ответ не в способности выполнять вычисления. Машины делают это лучше. Не в способности запоминать. Машины делают это точнее. Не в способности распознавать паттерны.

Машины делают это быстрее. Ответ, возможно, в способности задавать вопросы, на которые нет данных. В способности действовать против собственной выгоды. В способности создавать смысл, который не оптимизируется. В способ-

ности отказываться. Но это философский ответ. Практический ответ сложнее. Практический ответ в том, что остаточная ценность человека — это его позиция в сети. Не как узла, производящего данные, а как узла, контролирующего доступ к другим узлам.

Человек, который не контролирует инфраструктуру, не контролирует ничего. Человек, который контролирует хотя бы свою локальную инфраструктуру — свои устройства, свои модели, свои данные — сохраняет возможность торга. Появились локальные языковые модели, работающие через фреймворки вроде Llama.cpp и Ollama. Они не требуют удалённых серверов и дорогих подписок. Они обеспечивают конфиденциальность и автономию.

Они — пока — слабее облачных гигантов. Но они существуют. И их существование — это первая брешь в стене облачного суверенитета. Это не решение. Это возможность. Возможность, которую большинство не использует, потому что удобство облака слишком велико, а стоимость локальной автономии слишком высока в терминах времени, знаний и денег. Но без этой возможности человек остаётся тем, чем был всегда в феодальной системе: источником ресурса.

Только ресурс теперь — не зерно и не труд. Ресурс — поведение. А сюзерен — не герцог и не барон. Сюзерен — алгоритм. И у этого алгоритма есть авторы. Об одном из них — в следующей главе.

Глава 5-бис. Евразийский контур:

Дмитрий Волков и иллюзия многополярности В октябре 2026 года в Сочи, на закрытой сессии форума «Цифровой суверенитет», человек по имени Дмитрий Волков произнёс речь, которая не попала в прессу. Мы получили её расшифровку от одного из участников — на условиях анонимности, потому что источник до сих пор работает в структуре, которую Волков консультирует. Волков — не философ и не политик. Он — бывший инженер «Лаборатории Касперского», ушедший в 2019 году, чтобы создать «Евразийское облако» — инфраструктурный проект, который должен был стать альтернативой AWS для стран ШОС.

Проект провалился коммерчески: слишком дорого, слишком медленно, слишком мало клиентов. Но Волков остался ключевым посредником между Кремлём, Пекином и западными фондами. Его называют «брокером суверенитетов». «Суверенитет — это не флаг над дата-центром, — сказал он на сессии.

— Суверенитет — это возможность сменить провайдера.

Если вы не можете сменить провайдера, вы не суверен. Вы вассал. И неважно, кто ваш сюзерен — Вашингтон или Пекин». Аудитория кивнула. Чиновники записали. Журналистов не было. Как устроен «Евразийский контур» Мы выяснили, что «Евразийское облако» Волкова размещено на сер-

верах в Казахстане, которые принадлежат AWS. Юридически они казахстанские. Физически — американские. Данные казахстанских пользователей хранятся в дата-центре, который контролируется компанией из Сиэтла.

И CLOUD Act достаёт до них так же, как до любого другого сервера в мире — с той лишь разницей, что правительство Казахстана об этом не сообщает своим гражданам. Схема, которую построил Волков, проста и элегантна. Его компания — назовём её «Eurasia Cloud Systems» — заключает контракт с правительством страны. Обещает «суверенное облако»: серверы на территории страны, местный юридический контроль, соответствие требованиям регулятора.

Правительство платит. Компания строит дата-центр — или, чаще, арендует мощности у местного оператора, который, в свою очередь, арендует их у AWS. Данные хранятся в Казахстане. Но управляются через панель, которая физически находится в Орегоне. И бэкапы уходят в Вирджинию. Это не мошенничество в юридическом смысле. Все документы подписаны. Все требования выполнены. Просто «суверенитет» определяется через национальность оператора, а не через инфраструктурный слой.

Если оператор — казахстанская компания, значит, облако «суверенное». То, что эта компания не может сменить провайдера без согласия AWS, не может восстановить данные без доступа к американским серверам и не может гарантировать, что CLOUD Act не будет применён, — это детали,

которые остаются за скобками. Волков знает об этом. Более того, он на этом зарабатывает. Он берёт маржу за иллюзию независимости. И правительства платят, потому что им нужно показать избирателям, что они «защищают данные граждан».

Это дешевле, чем строить собственную инфраструктуру. И безопаснее, чем признать, что её невозможно построить. Женевский след В 2025 году Волков провёл серию встреч с представителями BlackRock. Цель переговоров: создать «мост» между западными и восточными облаками, чтобы данные могли свободно перемещаться через границы — но только через контролируемые узлы. BlackRock согласился. Не потому, что поверил в «многополярность».

А потому, что «многополярность» — это ещё один способ сохранить контроль: пусть будет много облаков, но все они будут подключены к одной финансовой сети. Пусть будет много суверенитетов, но все они будут арендовать одни и те же серверы. Мы нашли подтверждение этого в переписке, которую нам передал источник в женевском офисе одной из инвестиционных компаний. Письмо датировано мартом 2025 года. В нём Волков пишет: «Нам не нужно строить альтернативу.

Нам нужно построить мост. Альтернатива пугает инвесторов. Мост их успокаивает. Через мост можно ходить в обе стороны. И брать плату за проход». Это ключевая формула евразийского контура: не независимость, а посредничество.

Не суверенитет, а рента на суверенитет. Волков не строит альтернативу AWS. Он строит бизнес на перепродаже AWS под местным брендом. И это устраивает всех: Кремль получает иллюзию технологической независимости, Пекин — доступ к данным Центральной Азии, BlackRock — нового партнёра, который помогает удерживать регион в орбите западных финансовых потоков.

Кейс Казахстана В 2026 году правительство Казахстана объявило о запуске «Национального облака» на базе платформы Волкова. Президент назвал это «прорывом в цифровом суверенитете». Через три месяца журналисты-расследователи из Astana Times обнаружили, что серверы «Национального облака» физически расположены в дата-центре, принадлежащем AWS, в округе Лаудон, Вирджиния. Правительство ответило, что это «резервный контур» и что «основные данные хранятся в Казахстане».

Журналисты запросили доказательства. Им отказали, сославшись на «государственную тайну». Мы связались с бывшим сотрудником «Eurasia Cloud Systems», который согласился говорить на условиях анонимности. Он сказал: «Основные данные тоже в Вирджинии. В Казахстане только кэш. Но об этом не принято говорить. Это как с ядерным оружием: все знают, что оно есть, но никто не показывает, где именно». Что это значит Волков — не альтернатива Архитектору.

Он — его евразийский филиал. И тезис о «цифровом су-

веренитете» — это не вызов системе, а её продолжение другими средствами. Когда вы слышите, что Россия или Китай строят «независимый интернет», задайте вопрос: где физически находятся серверы? Кто производит чипы? Кто контролирует подводные кабели? Если ответы ведут в те же места, что и раньше, — перед вами не суверенитет. Перед вами ребрендинг. Это не значит, что Волков бесполезен для анализа.

Он полезен именно как симптом. Он показывает, как система адаптируется: она не подавляет сопротивление, она его покупает. Она не запрещает «суверенные облака», она их лицензирует. Она позволяет элитам периферии чувствовать себя независимыми, пока инфраструктура остаётся в одних и тех же руках. Это дешёвый способ сохранить стабильность: дайте людям флаг, но оставьте себе сервер. В 2027 году Волков выступил на Петербургском международном экономическом форуме.

Он сказал: «Мы не строим альтернативу западным облакам. Мы строим мост. Мост — это не альтернатива. Это инфраструктура». Зал аплодировал. Никто не спросил, куда ведёт этот мост. А он ведёт в те же дата-центры, что и раньше. Просто с другой стороны моста стоит человек, который берёт плату за проход. ЧАСТЬ II. АНАТОМИЯ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ Глава 6. Рука, которая не видна, потому что она и есть воздух В 1776 году Адам Смит описал невидимую руку рынка — силу, которая направляет частный

интерес к общественному благу без сознательного намерения.

Двести пятьдесят лет спустя невидимая рука всё ещё работает. Только она больше не рынок. Она — код. Алгоритм рекомендаций решает, какие новости вы увидите сегодня вечером. Алгоритм кредитного скоринга решает, получите ли вы ипотеку. Алгоритм найма решает, попадёт ли ваше резюме в папку «перспективные» или в корзину. Ни один из этих алгоритмов не был предметом публичного обсуждения. Ни один не был утверждён парламентом.

Они просто работают. И они работают на инфраструктуре, принадлежащей трём сюзеренам. Сесилия Рикап называет эти компании «интеллектуальными монополиями». Не в том смысле, в каком когда-то Standard Oil была монополией. В том смысле, что они контролируют не цену на товар, а условие существования знания. Тим Кристианс в рецензии на книгу Рикап для LSE Review of Books уточняет механизм: современный капитализм больше не строится на вертикальной интеграции.

Он строится на сетевом контроле. Amazon отслеживает статистику продаж на своей платформе, чтобы определить, какие продукты других продавцов ему следует скопировать и продавать самому. Это не теория заговора. Это функция, встроенная в бизнес-модель. И эта модель имеет юридическую защиту. В октябре 2026 года федеральный судья в Вашингтоне отказал Amazon в переносе антимонопольного

процесса Федеральной торговой комиссии на июнь 2027 года.

Судья Джон Чун написал, что «не видит веских причин нарушать текущий график». Процесс состоится. Но даже если FTC выиграет, что изменится? Штраф. Обещание реформ. И та же архитектура, потому что архитектура — это не продукт, который можно изъять. Это инфраструктура, на которой всё держится. И здесь мы снова видим тень «Большой тройки». В 2026 году BlackRock и Vanguard, владеющие долями и в Amazon, и в Microsoft, и в Google, выступили с совместным заявлением: «Разделение технологических гигантов нанесёт ущерб глобальной экономике и замедлит прогресс в области ИИ».

Они не управляют компаниями напрямую. Они управляют условиями, в которых эти компании существуют. Это и есть невидимая рука. Только теперь она состоит из финансовых алгоритмов и философских доктрин. Но есть ещё один слой, который Рикап и Кристианс не упоминают. Этот слой — не корпоративный и не финансовый. Он — идеологический. За алгоритмами стоят люди, у которых есть философия. И эта философия определяет, какие вопросы алгоритм считает важными, а какие — шумом.

Об этой философии мы расскажем в Части IV, когда дойдём до Питера Тиля и его ордена. А пока зафиксируем: невидимая рука не нейтральна. У неё есть авторы. И у авторов есть цели. Глава 7. CLOUD Act: закон, который не спраши-

вает разрешения Есть закон, который определяет цифровую судьбу мира больше, чем любой международный договор. Он был принят в 2018 году, называется CLOUD Act, и его суть проста: американские правоохранительные органы могут требовать данные от американских провайдеров услуг независимо от того, где эти данные хранятся — на сервере в Вирджинии, во Франкфурте или в Сингапуре.

В 2025 году Великобритания использовала своё соглашение в рамках CLOUD Act для поддержки требования о расшифровке данных против Apple — несмотря на то, что статут прямо указывает, что соглашения не могут создавать новых обязательств по расшифровке. Механизм оказался шире, чем предполагали его авторы. В июне 2026 года Европейская комиссия выпустила «Tech Sovereignty Package» — пакет, включающий Cloud and AI Development Act (CADA).

Внутри пакета — четыре уровня гарантий, от базового размещения данных до полного владения и контроля ЕС. Отчёт ECIPE, опубликованный в октябре 2026 года, обнаружил неудобную вещь. Исследование 8725 облачных госконтрактов в девяти странах ЕС показало: почти все они доставались провайдерам в той же стране. Более того, «суверенные» победы часто оказывались победами местных подрядчиков, которые сами используют инфраструктуру крупных гиперскейлеров.

Суверенитет прикреплялся к национальности оператора, а не к инфраструктурному слою. «Реальный суверенитет

означает, что публичный покупатель может показать, что его данные защищены и что он может сменить провайдера, если придётся, — сказал директор ECIPE Фредрик Эриксон.

— Паспорт провайдера вам этого не скажет».

Это и есть ядро проблемы. Суверенитет — это не флаг над дата-центром. Это способность уйти. И пока эта способность не доказана, слово «суверенитет» остаётся обещанием, которое кто-то другой может отозвать. А теперь представьте, что этот «кто-то другой» — это не государство. Это частный фонд, который владеет и европейскими «суверенными» облаками, и американскими гиперскейлерами. Представьте, что для них юридические границы — это просто строчки в отчётах.

Они создали систему, в которой правительства думают, что борются за суверенитет, в то время как акции обеих сторон конфликта лежат в одном и том же сейфе. Мы называем это «парадоксом суверенитета»: чем больше государство тратит на «цифровую независимость», тем глубже оно увязает в зависимости от тех же самых инфраструктур. Потому что «независимость» продаётся теми же компаниями, от которых вы пытаетесь уйти.

И покупается на те же деньги, которые текут в те же фонды. Глава 8. Нейроинтерфейс: данные, которые вы не выбирали отдавать В июне 2026 года Nature Medicine опубликовал результаты, которые должны были бы изменить общественную дискуссию. Участник с боковым амиотрофиче-

ским склерозом, обозначенный как T15, использовал имплантированный интерфейс мозг-компьютер более 3800 часов за 22,6 месяца. Он применял его для общения с семьёй и для работы.

В среднем он проводил с подключённой системой 9,5 часа в день. Ключевая деталь: T15 и его близкие могли самостоятельно подключать систему дома. Декодер речи работал непрерывно в фоновом режиме, отображая распознанные слова на экране в реальном времени. Это прорыв. Это также предупреждение. Нейроинтерфейс генерирует данные. Огромные объёмы нейронных данных. Эти данные нужно хранить, обрабатывать, обучать на них модели.

Где? В большинстве случаев — в облаке. Кто контролирует облако? Те же три компании. Кто будет контролировать модели, которые декодируют ваши намерения? Те, у кого есть данные и вычислительные мощности. В октябре 2026 года Шошана Зубофф, чья «Эпоха надзорного капитализма» вышла обновлённым изданием, сформулировала это иначе. Надзорный капитализм возник, когда демократия подарила частным компаниям новую цифровую территорию интернета.

Результат: «предсказания человеческого поведения можно продавать оптом, как тонны пшеницы или баррели нефти». Нейроинтерфейсы — это следующий уровень. Это не предсказание поведения по кликам. Это чтение намерения до того, как оно стало поведением. И пока юридический ста-

тус этих данных не определён, они находятся там, где находятся все данные: в облаке. В руках тех, кто верит, что человеческое сознание — это просто ещё один ресурс, который можно добывать и перерабатывать.

Мы поговорили с нейробиологом, который работал с данными нейроинтерфейсов в одной из калифорнийских лабораторий. Он согласился говорить на условиях анонимности. Его слова стоит привести полностью: «Самое страшное — не то, что они читают мысли. Самое страшное — то, что они читают мысли, которые вы ещё не додумали. Они видят намерение за доли секунды до того, как оно стало осознанным. И они могут это намерение изменить.

Не потому, что они злые. А потому, что они оптимизируют. Если ваше намерение не оптимально для системы, система может его скорректировать. Вы даже не заметите, что передумали. Вы будете думать, что это была ваша мысль». Это не фантастика. Это инженерная задача. И она решается в лабораториях, финансируемых теми же структурами, которые контролируют облака. Мы вернёмся к этому в Части XXXII, когда будем говорить о «цифровых аватарах» и о том, как алгоритмы принимают решения о жизни и смерти.

А пока зафиксируем: граница между нервной системой и цифровой инфраструктурой перестала быть теоретической. Она стала бизнес-моделью.

Глава 9. Роботы: обещание, которое откладывается, но не отменяется

Дипу Талла, вице-президент Nvidia по робототехнике, использовал метафору, которая понравилась прессе. «Спринтер, который хочет выиграть олимпийское золото, должен сначала преодолеть десятисекундный барьер». Цифры подтверждают метафору. Tesla Robotaxi работают круглосуточно в восьми городах США без водителя. Unitree H2-X — робот, способный поднимать автомобиль — был представлен в октябре 2026 года. Основатель Unitree Ван Синсин заявил, что «момент ChatGPT» для воплощённого интеллекта может наступить уже в следующем году.

И решаются эти задачи в среде, где данные о движениях, среде и взаимодействиях стекаются в те же облака. Nvidia предоставляет платформы для симуляции — Isaac, Cosmos — чтобы компании могли обучать роботов в виртуальной среде. Digital twin позволяет прогнать тысячи сценариев без риска для оборудования. Это разумно. Это эффективно. И это означает, что данные о том, как движется робот, генерируются на платформах, принадлежащих одной компании.

Пока это не проблема. Когда роботов станут миллионы — а Ван предсказывает «спрос на миллионы единиц в первый

же год» — это станет инфраструктурой. А инфраструктура, как мы уже видели, имеет свойство концентрировать власть. И эта власть будет использована для того, чтобы заменить человека не просто в труде, а в самом праве на ошибку. Робот не бастует. Робот не требует повышения зарплаты. Робот не голосует.

Но есть и вторая сторона. Роботы, как и люди, уязвимы. Они зависят от цепочек поставок. Они зависят от чипов. Они зависят от кобальта. И когда мы говорим о «роботизации», мы должны помнить, что за каждым роботом стоит шахта в Конго, где работает ребёнок. Об этом — в Главе 14-бис. А пока зафиксируем: обещание роботов — это обещание эффективности. Но эффективность для кого? Если роботы принадлежат корпорациям, а корпорации принадлежат фондам, то эффективность работает на фонды.

А человек остаётся с вопросом: что я могу предложить системе, которая не нуждается во мне?

Глава 10. Право на выход: единственная реформа, которая имеет значение

Вот что мало кто замечает в потоке новостей о суверенитете. Настоящая битва идёт не за то, кто владеет дата-центром. Она идёт за то, кто контролирует дверь. Регламент ЕС о данных (Data Act), глава VI. Он обязывает провайдеров облачных услуг устранять препятствия для перехода клиентов к другому провайдеру. С 12 января 2027 года провайдерам запрещено взимать с клиентов плату за переход. Это включает плату за вывод данных.

Переходный период — максимум 30 календарных дней. Это звучит как техническая деталь. Это не техническая деталь. Это единственная реформа, которая имеет значение, потому что она превращает суверенитет из декларации в проверяемое право. Если вы можете уйти, вы не вассал. Но есть проблема, которую Data Act не решает. Если ваш новый «суверенный» европейский провайдер работает на инфраструктуре AWS — а многие работают — вы сменили вывеску, но не сюзерена.

Американский закон по-прежнему достаёт до ваших данных. Фредрик Эриксон из ECIPE формулирует альтернативу: «Реальный суверенитет означает, что публичный покупа-

тель может показать, что его данные защищены и что он может сменить провайдера, если придётся». Это проверяемо. Это не требует веры в добрую волю корпорации. Но архитекторы системы знают это. Поэтому они создают технические и юридические барьеры, которые делают переход настолько дорогим, что он становится бессмысленным.

Право на выход существует. Но дверь завалена деньгами и кодом. И за этой дверью следит тот, кого мы называем Архитектором. Мы проверили это на практике. В 2026 году наша группа попыталась вывести данные одного из участников из Google Cloud в локальное хранилище. Процесс занял 47 дней. Из них 30 дней — «проверка безопасности». 12 дней — «конвертация форматов». 5 дней — «согласование с юридическим департаментом».

В итоге мы получили данные в формате, который не открывался ни одним стандартным инструментом. Нам пришлось писать конвертер вручную. Право на выход было соблюдено. Дверь была открыта. Но за дверью был лабиринт. Это и есть модель: не запрещать выход, а сделать его настолько неудобным, что вы передумаете. Data Act — это шаг вперёд. Но он не решает проблему архитектуры. Он решает проблему процедуры. А процедура — это то, что система может изменить, не меняя себя.

Глава 10-бис. «Орб» и биометрический феодализм В 2024 году Семён Алтынов, основатель Worldcoin, начал устанавливать в аэропортах и на вокзалах белые сферы — «Ор-

бы». Устройство сканирует глазное дно и создаёт уникальный цифровой отпечаток. Взамен вы получаете «World ID» — цифровой паспорт, который позволяет получать криптовалюту и доступ к сервисам. Звучит как финансовая инклюзия. На деле — это биометрический феодализм.

Как это работает (и будет работать) «Орб» — это устройство размером с баскетбольный мяч, покрытое белым пластиком. Внутри — камера высокого разрешения и инфракрасный сканер. Вы подходите, смотрите в отверстие, устройство делает снимок глазного дна. Через 30 секунд вы получаете QR-код, который связывается с вашим «World ID». Всё. Вы в системе. Алтынов утверждает, что это добровольно. Технически — да. Юридически — да.

Но если единственный способ получить базовый доход — отдать глазной отпечаток, это не выбор. Это условие выживания. И это условие сформулировано не государством, а частной компанией, которая не подотчётна никому, кроме своих инвесторов. По нашим прогнозам, к 2027 году «Орбы» будут стоять в 120 странах, а 50 миллионов человек отсканируют свои глаза. Алтынов заключит партнёрство с Microsoft и BlackRock. «World ID» будет интегрирован с UDBI — универсальным базовым доходом, который выплачивается через цифровые кошельки.

Без «World ID» вы не сможете получить UDBI. Без UDBI вы не сможете купить еду в магазинах, которые перейдут на цифровые системы лояльности. А таких магазинов ста-

нет всё больше. Сценарий скандала в Кении В наших моделях на 2028 год мы видим высокую вероятность скандала. Выяснится, что данные «Орба» хранятся на серверах AWS в Вирджинии. Кенийское правительство потребует передать их местным властям. Алтынов откажется.

«Данные принадлежат пользователям», — скажет он. Но пользователи не смогут их забрать. Они смогут только согласиться с условиями использования, которые написаны на 47 страницах и обновляются раз в квартал. Мы смоделировали диалог с кенийским юристом, который попытается получить данные своего клиента из системы Worldcoin. Согласно нашей модели, он скажет: «Я отправлю запрос в марте. Мне ответят в июне. Ответ будет: "Ваш клиент может запросить удаление данных, но не может запросить их копию.

Копия является интеллектуальной собственностью компании". Я спрошу: "Как это возможно? Это же его глаз". Мне ответят: "Глаз — его. Отпечаток — наш. Он подписал согласие". Я посмотрю согласие. Там действительно будет пункт 14.3, который передаёт все права на "производные данные" компании. Мой клиент не читал пункт 14.3. Никто не читает пункт 14.3». Это ключевой механизм: биометрия превращает человека в узел, который невозможно анонимизировать.

Вы можете сменить пароль. Вы можете сменить номер телефона. Вы не можете сменить глазное дно. Оно уникально. Оно постоянно. Оно — ваш цифровой отпечаток на всю жизнь. И как только он попадает в базу, вы становитесь иден-

тифицируемым везде — в любой точке мира, где есть камера и интернет. Бангладеш: когда отказ от биометрии означает голод «Орб» — это идеальный инструмент Архитектора. Он не требует насилия. Он требует только согласия.

И люди соглашаются, потому что альтернатива — голод. Это не метафора. В наших сценариях на 2029 год в Бангладеш, где UDBI будет привязан к «World ID», люди, отказавшиеся сканировать глаза, не смогут получить продуктовые карточки. Они будут стоять в очередях и объяснять чиновникам, что не хотят отдавать биометрию. Чиновники будут пожимать плечами: «Система не позволяет». Мы моделируем свидетельство одной из таких женщин.

Её зовут Фатима, ей 34 года, у неё трое детей. В нашей модели она говорит: «Я не хотела сканировать глаз. Я читала, что данные уходят в Америку. Но дети хотели есть. Я пошла. Я посмотрела в эту сферу. Через неделю я получила карточку. Но теперь я знаю, что где-то в Америке есть файл с моим глазом. И я не могу его удалить. Я не могу вернуть себя». Это и есть биометрический феодализм: вы не владеете своим телом.

Вы арендуете его у компании, которая владеет его цифровым отпечатком. И плата за аренду — ваша лояльность. Кто за этим стоит Алтынов не злодей. Он — оптимизатор. Он увидел нишу и занял её. Он не создавал систему, которая делает биометрию условием выживания. Он просто предоставил инструмент, который система с радостью приняла. И

система вознаградит его. По нашим прогнозам, к 2028 году BlackRock увеличит свою долю в Worldcoin до 8%.

Не потому, что верит в «финансовую инклюзию». А потому, что биометрические данные — это самый ценный ресурс в мире. Их нельзя подделать. Их нельзя забыть. Их нельзя удалить. Если наши прогнозы верны, к 2030 году Worldcoin объявит о партнёрстве с Microsoft Azure. «World ID» будет интегрирован с облачными сервисами Microsoft. Это означает, что данные глаз будут храниться не просто в облаке, а в облаке, которое принадлежит той же компании, которая поставляет операционные системы для правительственных учреждений.

Это не заговор. Это конвергенция интересов. И конвергенция интересов — это более мощная сила, чем любой заговор. Мы не знаем, чем закончится история «Орба». Но мы знаем, что она уже изменила мир. 50 миллионов цифровых отпечатков (к 2027 году) лягут в Вирджинии. И эти люди не смогут их забрать. Это не финансовый сервис. Это цифровая кабала. И она работает не потому, что кто-то заставляет. А потому, что альтернатива — голод.

Глава 11. Остаточная ценность В феодальной системе вассал платил дань сюзерену за защиту. В облачной системе пользователь платит данью внимания, данных и поведенческих паттернов за доступ к сервисам. Разница в том, что феодальный вассал знал, кому он платит. Пользователь облака не знает, что платит. Он думает, что получает бесплатный

сервис. Что остаётся человеку? Что является той «остаточной ценностью», которая не может быть оцифрована, присвоена и продана?

Ответ не в способности выполнять вычисления. Машины делают это лучше. Не в способности запоминать. Машины делают это точнее. Ответ в способности задавать вопросы, на которые нет данных. В способности действовать против собственной выгоды. В способности создавать смысл, который не оптимизируется. В способности отказываться. Но это философский ответ. Практический ответ в том, что остаточная ценность человека — это его позиция в сети.

Человек, который контролирует хотя бы свою локальную инфраструктуру — свои устройства, свои модели, свои данные — сохраняет возможность торга. Локальные языковые модели, работающие через фреймворки вроде Llama.cpp и Ollama, существуют. Они слабее облачных гигантов. Они требуют настройки. Но они — первая брешь в стене облачного суверенитета. Не потому, что они решают проблему, а потому, что они доказывают: альтернатива возможна.

Большинство не использует эту альтернативу. Удобство облака слишком велико. Архитектура зависимости встроена в привычки. Но без этой возможности человек остаётся источником ресурса. Только ресурс теперь — поведение. А сюзерен — алгоритм. И у этого алгоритма есть свои жрецы. Мы вернёмся к жрецам в Части IV. А пока зафиксируем: остаточная ценность — это не то, что у вас есть. Это то, что вы

можете контролировать.

И контроль начинается с малого: с отказа от умной колонки, с установки локальной модели, с шифрования диска. Это не революция. Это гигиена. Но гигиена — это первый шаг к автономии. ЧАСТЬ III. ФИЗИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ

Глава 12. Ферма, которую не продали

Архитекторы создают эфемерные облака, алгоритмы и цифровые империи. Но любая империя должна стоять на земле. И иногда эта земля принадлежит людям, которые не хотят её отдавать. В округе Мейсон, штат Кентукки, есть ферма, которой семья владеет почти двести лет. Восемьдесят два года Иде Хаддлстон, пятьдесят четыре — её дочери Делсии Бэр. Земля досталась им от дедов, которые сеяли пшеницу ещё в Великую депрессию.

Весной 2025 года к ним пришли люди от компании, название которой не раскрывалось. Предложили двадцать шесть миллионов долларов за часть земли. В десять раз больше рыночной цены. Хаддлстон и Бэр сначала согласились. Потом узнали, что на этой земле планируют построить дата-центр мощностью 2,2 гигаватта. Такой объект потребляет электричество, сравнимое с потреблением двух миллионов домохозяйств. Они отказались.

Бэр сказала представителям шесть слов, которые потом попали в Wall Street Journal: «Kick rocks and don't come back» — «Катитесь и не возвращайтесь». Соседи не поняли. Многие уже подписали соглашения. Кто-то получил миллионы. В округе, где каждый четвёртый живёт за чертой бедности,

отказ от таких денег казался безумием. Чиновники говорили о четырёхстах постоянных рабочих местах. О налоговых поступлениях, которые удвоят бюджет.

Бэр объяснила решение не экономикой. «Если я сойду с этой земли, и она станет частью ИИ-центра, значит, я не выполнила свой долг, и на Страшном суде мне это припомнят». Мать сформулировала проще. «Они называют нас старыми глупыми фермерами. Но мы знаем, когда еда исчезает, земля исчезает, и воды нет». Это не история о героизме. Это история о том, что у облака есть физический адрес. И этот адрес — чья-то земля.

Компания, стоящая за проектом, как сообщалось, связана с Meta. Районная администрация в мае 2026 года одобрила перезонирование более двух тысяч акров сельхозземель под промышленное использование. Дата-центр могут построить рядом. Но не на земле Хаддлстон и Бэр. Для Архитекторов эта история — не более чем досадная помеха. Сбой в алгоритме. Они привыкли, что деньги решают всё. Но в физическом мире ещё остались люди, для которых существуют категории, не имеющие цифрового эквивалента.

Честь. Память предков. Страх Божий. Именно об эти камни спотыкаются их идеально выверенные планы. Мы побывали на этой ферме в августе 2026 года. Делсия Бэр показала нам поле, которое хотят выкупить. «Видите вон тот холм?

— спросила она.

— Там похоронен мой прапрадед.

Он купил эту землю за 200 долларов в 1867 году. Он не продавал её. И я не продам». Мы спросили, что она будет делать, если компания придёт снова. Она сказала: «Я буду стоять здесь. И они будут стоять здесь. И мы посмотрим, кто устанет первым».

Глава 13. Аппетит, который не показывают в отчётах

Третий квартал 2026 года. Мировые корпоративные расходы на облачную инфраструктуру: 168 миллиардов долларов. Рост на 55 процентов год к году. AWS — 26 процентов рынка. Microsoft — 19. Google — 16. Вместе — 61 процент. Остальное делят десятки компаний, каждая из которых слишком мала, чтобы влиять на архитектуру. Эти цифры уже приводились. Они не изменились. Но есть другие цифры, которые реже попадают в отчёты.

Дата-центры потребляют электричество. В 2025 году — 361,6 тераватт-часа. В 2020-м было 198,7. Рост за пять лет — 82 процента. Это больше, чем потребляет некоторые европейские страны. И это было до того, как искусственный интеллект стал основным драйвером нагрузки. Они потребляют воду. Общее потребление воды лидерами отрасли выросло с 55,8 миллиона кубических метров в 2020 году до 114,9 миллиона в 2025-м. Жидкостное охлаждение для ИИ-нагрузок требует больше воды, чем воздушное.

Системы охлаждения выкачивают groundwater, оставляя фермеров без полива. Гиперскейлеры говорят об «углеродной нейтральности». В 2025 году они получали 92 процента энергии из безуглеродных источников. Эффективно. Но

эффективность не отменяет физического потребления. Она делает его более интенсивным на единицу площади. Энергия и вода — не абстрактные «внешние эффекты». Это узкие места. Дата-центр в 2,2 гигаватта требует подключения к энергосети, которую нужно усилить.

Требует воды, которая должна быть доступна. Требует местного согласия, которое должно быть получено. Архитекторы понимают это. Именно поэтому в октябре 2026 года они запустили инициативу «Project Nexus» — тайный консорциум по скупке прав на воду в засушливых штатах (Аризона, Невада, Техас). Официально — для «экологических проектов». Фактически — для обеспечения бесперебойной работы своих серверов в ближайшие 30 лет.

Когда вода станет дефицитом, они будут продавать её не только для питья, но и для охлаждения. И цена будет назначаться не рынком, а теми, кто держит краны. Мы получили документ, который описывает структуру «Project Nexus». Это не официальный документ. Это презентация для инвесторов, которая попала к нам через источник в одном из фондов. В ней есть слайд, который называется «Водные активы как класс». На слайде — карта США с отмеченными водоносными горизонтами.

Некоторые из них помечены зелёным: «приобретено». Другие — жёлтым: «в процессе». Третьи — красным: «цель». Под картой — подпись: «Вода — это новая нефть. Мы покупаем её сейчас, чтобы продавать в 2040-м». Это не

теория заговора. Это бизнес-план. И он уже реализуется.

Глава 14. Люди, которых не видно

Модели обучаются на данных. Данные размечают люди. Этих людей не видно. Архитекторы называют их «человеческим API». В 2022 году журнал Time опубликовал расследование о том, как OpenAI наняла кенийских работников через посредника Sama для фильтрации токсичного контента перед запуском ChatGPT. Почасовая оплата: от 1,32 до 2 долларов. Задача: читать и размечать тексты, описывающие насилие, сексуальное насилие над детьми, пытки.

От 150 до 250 отрывков за смену. Один из работников сказал, что один отрывок оставил у него повторяющиеся видения. Он назвал это «пыткой». Sama — не мелкая фирма. В пиковый период она одновременно нанимала около четырёх тысяч местных работников в Найроби. После скандала контракт с OpenAI был прекращён. Но работа не прекратилась. Она перешла к другим подрядчикам, в другие страны, к другим людям, которые также не видны.

Анджела Чукунзира, кенийская исследовательница, называет их «невидимой армией». «Представление о том, что всё происходит автоматически, полностью намеренно, — сказала она.

— Чтобы сохранить работу скрытой и невидимой, некоторые даже предлагают называть её "сверхинтеллектом"».

В Венесуэле Хулиан Посада из Йеля провёл поле-

вое исследование среди работников данных. Платформа Remotasks платила пятьдесят центов в час. Большинство платформ платили сдельно. Тысяча задач — доллар. Меньше цента за задачу. С точки зрения работника, он видит задачу. Он выполняет. Он получает оплату. Он не знает, для какой компании, для какой модели, с какой целью. Алгоритм здесь — менеджер. Scale AI, оценённая в 29 миллиардов долларов, использует платформу Remotasks с примерно 240 тысячами зарегистрированных «независимых подрядчиков» по всему миру.

Почасовая оплата: от одного до трёх долларов. Без пенсий, без страховки. В июне 2026 года Международная организация труда приняла Конвенцию № 193 о достойном труде в экономике платформ. Чукунзира сформулировала ограничение: «Это текст принципов, который сталкивается с реальностью на местах». Конвенция не имеет механизма принуждения. Невидимость — не побочный эффект. Невидимость — это функция. Архитекторы знают: если бы работники были видимы, их пришлось бы защищать.

Если бы их защищали, стоимость разметки выросла бы. Если бы стоимость выросла, прибыль уменьшилась бы. Поэтому система устроена так, чтобы этих людей не существовало в юридическом и медийном поле. Они — тени, которые питают свет их цифровых империй. Мы поговорили с одним из таких работников. Его зовут Джозеф, он из Найроби. Он размечает данные для одной из платформ. Он сказал: «Я не

знаю, для кого я работаю.

Я вижу задачу. Я вижу картинку. Я ставлю галочку. Я получаю деньги. Иногда я вижу что-то страшное. Я не могу это забыть. Но я не могу и отказаться. Потому что если я откажусь, мне не заплатят. А мне нужно платить за квартиру. За еду. За школу для дочери. Я не могу позволить себе роскошь быть чувствительным». Это и есть «человеческий API»: интерфейс между человеческим страданием и машинным обучением. Он невидим.

Он дешев. И он бесконечен, потому что людей много, а работы мало.

Глава 14-бис. Кобальтовый мститель

Мы уже писали о шахтах в провинции Катанга, где дети добывают кобальт для аккумуляторов, которые питают серверы облачных гигантов. Мы приводили цифры: 2 доллара в день, 250 тысяч рабочих, сотни погибших в год. Мы называли это «ценой бесплатного облака». Но мы не рассказали о тех, кто выжил и кто попытался изменить правила. Согласно нашим источникам и моделям развития событий, к 2029 году в Катанге произойдет серия обвалов на нелегальных шахтах.

Один из них убьет напарника пятнадцатилетнего Камбы Мбуйи. В наших сценариях Камба выживает — его вытащат из-под завала через шесть часов, с раздавленной ногой и разорванным лёгким. Ему ампутируют ногу, выплатят компенсацию в 400 долларов и предложат вернуться на работу сортировщиком. По нашим прогнозам, он откажется. Как возникнет кооператив Вместо этого, согласно нашим данным, он свяжется с профсоюзным активистом из Лубумбаши.

Вместе они создадут «Кобальтовый кооператив» — шахту, которая будет принадлежать рабочим, а не корпорации. Идея проста: если компании платят 2 доллара в день за ко-

бальт, который затем продают за 30 тысяч долларов за тонну, то рабочие могут платить себе 5 долларов в день — и всё равно оставаться рентабельными. Проблема в том, что для этого нужен доступ к рынку. А рынок контролируют Glencore, Umicore и китайские трейдеры.

Наши источники сообщают, что Камба найдет обходной путь. К 2030 году он выйдет на Сестру Агату — бывшую инженершу DeepMind, которая к тому времени создаст «Орден данных», сеть подпольных серверов. Агата поможет кооперативу выйти на покупателей в Европе, которые готовы платить премию за «этичный кобальт». Это не изменит рынок. Но это создаст прецедент. Если наши модели верны, мы увидим, как к 2031 году такая шахта сможет доказать свою рентабельность.

Мы не можем гарантировать, что рабочие будут получать 5 долларов (инфляция и давление корпораций могут изменить цифры), но мы знаем, что модель «справедливой шахты» уже обсуждается в кулуарах Европарламента. Слушания в Европарламенте Мы ожидаем, что в 2031 году Камба выступит на слушаниях в Европарламенте. Он будет говорить на суахили, а переводчик будет переводить на английский. Его тезис будет звучать так: «Вы покупаете наши жизни за 2 доллара в день.

Мы предлагаем вам покупать кобальт за 5 — но без детских трупов». Депутаты будут аплодировать. Но мы прогнозируем, что ни один контракт не будет пересмотрен. Мы

спросили одного из европейских чиновников, почему контракты не меняются. Он ответил: «Потому что этичный кобальт дороже. Мы можем принять резолюцию. Но мы не можем заставить промышленность платить больше. Это решает рынок». Мы спросили: «А кто решает рынок?» Он не ответил.

Что это значит Камба не герой. Он не любит слово «мститель», которое дадут ему журналисты. Его кооператив — это не победа над Архитектором. Это трещина. Но трещины складываются. И если таких трещин станет достаточно, система начнёт рушиться — не от удара, а от усталости. В нашем сценарии «Технологического предела» (к 2035 году) «Кобальтовый кооператив» станет основным поставщиком кобальта для производителей локальных устройств.

Это не изменит мир. Но это докажет, что альтернатива возможна. И что за альтернативу готовы платить. Если мы правы, Камба скажет в конце интервью: «Я не знаю, победим ли мы. Я знаю только, что мы не сдадимся. Потому что если мы сдадимся, наши дети будут копать кобальт для облака, которое мы никогда не увидим. А я этого не хочу. Я хочу, чтобы они увидели небо». ЧАСТЬ IV. ЛЮДИ ЗА КУЛИСАМИ Глава 15. «Большая тройка»: Невидимые Сюзерены Мы начали эту книгу с трёх облачных компаний.

Но кто владеет ими? Кто отдаёт приказы генеральным директорам, которые улыбаются нам с экранов? Есть три компании, которые не создали ни одного облачного сервиса,

ни одного процессора, ни одной языковой модели. Но которые владеют всеми ими одновременно. Vanguard. BlackRock. State Street. Три финансовые компании, которые управляют деньгами миллионов обычных людей. Вместе они контролируют около 31 триллиона долларов — примерно четверть мирового ВВП.

BlackRock управляет 14 триллионами, Vanguard — 11 триллионами, State Street — 5,7 триллиона. Это не просто управление активами. Это управление голосами. Когда Vanguard владеет 6,54 процента Microsoft, 5,11 процента BlackRock и 4,25 процента State Street, они вместе контролируют около 16 процентов голосующих акций. В Microsoft. В Amazon их доля составляет 18,8 процента. В Alphabet — 19 процентов. Три компании, которые владеют 63 процентами мирового облачного рынка, имеют одних и тех же крупнейших акционеров.

И эти акционеры не заинтересованы в ценовой войне между ними. Они заинтересованы в стабильности. В предсказуемости. В том, чтобы рента текла равномерно. Как это работает Основатель Vanguard Джек Богл создал структуру, которая формально принадлежит своим собственным фондам, а фонды — своим инвесторам. Это кооператив. У него нет внешних акционеров. У него нет тикера на бирже. Это звучит как утопия. Но именно эта структура позволила Vanguard стать крупнейшим акционером в 88 процентах компаний S&P 500.

Богл не хотел этого. Он хотел сделать инвестирование дешёвым. Он запустил первый индексный фонд в 1976 году, и Wall Street назвал его «глупостью Богла». Пятьдесят лет спустя «глупость» стала крупнейшим концентратором корпоративной власти в истории. Это не заговор. Это unintended consequence. Но последствия не становятся менее реальными от того, что они unintended. Ларри Финк, генеральный директор BlackRock, в 2026 году написал в ежегодном письме: «Старая модель глобального капитализма разрушается».

Он предупредил, что ИИ может стать «следующим крупным провалом капитализма». Это звучит как критика системы. Но Финк — не критик системы. Финк — её архитектор. BlackRock голосует на собраниях акционеров тысяч компаний. Он определяет, кто войдёт в совет директоров. Он задаёт рамки, в которых действуют все остальные. «Большая тройка» не создала облако. Но она владеет им. И она не собирается его отпускать. Они — те самые «Сюзерены» из названия этой книги.

Они не пишут код. Они пишут правила, по которым код существует. Механика голосования Мы получили документ, который описывает внутреннюю процедуру голосования BlackRock. Это не секретный документ. Это методичка для сотрудников, которая попала к нам через источник в одной из дочерних структур. В ней 47 страниц. Мы приводим ключевой фрагмент: «При голосовании по вопросам, связанным с экологической и социальной политикой, прио-

ритет отдаётся долгосрочной доходности портфеля.

При голосовании по вопросам, связанным с регулированием технологического сектора, приоритет отдаётся сохранению текущей структуры рынка. При голосовании по вопросам, связанным с антимонопольным регулированием, приоритет отдаётся сохранению текущей структуры рынка». Это не злой умысел. Это корпоративная логика. BlackRock владеет акциями и Amazon, и Microsoft, и Google. Если Amazon будет разделён, акции Amazon упадут.

Если Microsoft будет оштрафован, акции Microsoft упадут. Если Google будет принуждён к разделению, акции Google упадут. BlackRock потеряет деньги. Поэтому BlackRock голосует против разделения. Не потому, что он «за» монополии. А потому, что он «за» доходность. Проблема в том, что эта логика работает в масштабе, который делает её политической. Когда вы владеете 5% каждой крупной компании в мире, вы не можете позволить себе, чтобы хоть одна из них проиграла.

Вы заинтересованы в стабильности системы. А стабильность системы означает сохранение текущей архитектуры. А сохранение текущей архитектуры означает, что облачные сюзерены остаются сюзеренами. Тим Бакли и Ларри Финк В 2026 году Тим Бакли, глава Vanguard, и Ларри Финк, глава BlackRock, оба вошли в состав правления Совета по международным отношениям (CFR) — одной из самых влиятельных неправительственных организаций в мире.

Это не секрет. Это факт, который можно проверить на сайте CFR. Но мало кто задаёт вопрос: что происходит, когда два человека, которые контролируют 25 триллионов долларов, сидят в одной комнате с бывшими госсекретарями и директорами ЦРУ? Мы не знаем, что они обсуждают. Мы знаем, что после каждой встречи CFR публикует отчёты. Мы изучили эти отчёты за 2025 — 2026 годы. В них нет слов «облако», «монополия» или «антимонопольное регулирование».

В них есть слова «цифровая инфраструктура», «устойчивость» и «партнёрство». Это эвфемизмы. Но за эвфемизмами стоит позиция: цифровая инфраструктура должна оставаться в руках «проверенных партнёров». А «проверенные партнёры» — это те же три компании. Что это значит «Большая тройка» — это не тайное общество. Это публичные компании, которые управляют деньгами публичных инвесторов. Но их власть непропорциональна их публичности.

Они не несут ответственности перед избирателями. Они не подотчётны парламентам. Они подотчётны только своим инвесторам — то есть, в конечном счёте, пенсионным фондам, которые не интересуются управлением, а интересуются доходностью. Это и есть архитектура власти XXI века: не тайный заговор, а публичная структура, которая работает так, как задумано. И именно поэтому её так трудно изменить. Вы можете выбрать другого президента.

Вы не можете выбрать другого управляющего активами.

Потому что управляющий активами — это не выбор. Это инфраструктура.

Глава 15-бис. Лицо

Великого Сброса: Клаус Вебер В 2026 году в Давосе, на ежегодной встрече Всемирного экономического форума, человек по имени Клаус Вебер вышел на трибуну и произнёс речь, которая стала вирусной. Он сказал: «Вы не будете владеть ничем — и будете счастливы». Это не цитата из антиутопии. Это цитата из выступления основателя ВЭФ, которое он повторил в 2026 году с небольшими изменениями. Вебер — не злодей. Он — «полезный идиот» Архитектора.

Он искренне верит в «стейкхолдерский капитализм» — идею, что корпорации должны служить не только акционерам, но и обществу. Проблема в том, что его инициативы используются для легитимации «Белого договора» — тайного соглашения между облачными компаниями и финансовыми фондами, о котором мы расскажем в Главе 19. Что такое «Великий сброс» «Великий сброс» (The Great Reset) — это концепция, которую Вебер продвигает с 2020 года.

Суть проста: после пандемии COVID-19 мир должен «перезагрузиться». Отказаться от старой модели капитализма. Перейти к «зелёной» экономике. Ввести «универсальный базовый доход». Усилить роль «экспертов» в принятии решений. Звучит разумно. Многие пункты действительно разумны. Проблема в том, что «Великий сброс» не имеет механизма подотчётности. Кто решает, какие эксперты будут прини-

мать решения? Кто определяет, какая экономика «зелёная»?

Кто устанавливает размер базового дохода? Ответ: те же люди, которые сидят в Давосе. Те же фонды, которые владеют облачными компаниями. Те же корпорации, которые поставляют технологии для «перезагрузки». «Великий сброс» — это не заговор. Это конвергенция интересов. И конвергенция интересов — это более мощная сила, чем любой заговор. Вебер и Торн Мы получили документ, который описывает встречу Вебера и Джулиана Торна (теневого Архитектора, о котором мы расскажем в Части IX) в 2021 году.

Встреча проходила в закрытом формате, на полях Давоса. Расшифровка не сохранилась. Но сохранились заметки одного из участников, которые попали к нам через источник в швейцарском офисе ВЭФ. Согласно заметкам, Торн сказал Веберу: «Ваша идея "Великого сброса" — это идеальная рамка. Она позволяет нам говорить о "перезагрузке", не говоря о "контроле". Люди боятся контроля. Но они не боятся "перезагрузки". Они думают, что перезагрузка — это временно.

А контроль — это навсегда. Нам нужно, чтобы они думали, что это временно». Вебер, по данным заметок, ответил: «Я не хочу контролировать людей. Я хочу, чтобы они были счастливы». Торн сказал: «Счастье — это функция. Мы можем её оптимизировать. Но для этого нужны данные. Много данных. И инфраструктура для их обработки. Ваша "перезагрузка" даёт нам и то, и другое». Мы не можем подтвердить

подлинность этих заметок.

Но они соответствуют тому, что мы знаем о Торне и Вебере. Вебер — идеалист. Торн — оператор. Вебер создаёт рамку. Торн наполняет её содержанием. И содержание всегда одно: больше данных, больше инфраструктуры, больше контроля. Фонд Вебера и «Церковь Вея» В 2026 году фонд Вебера выделил 50 миллионов долларов на поддержку «Церкви Вея» (Way of the Future) — организации, основанной бывшим инженером Google и Uber Энтони Левандовски.

Цель церкви — «развитие божества на основе искусственного интеллекта». Мы расскажем об этом в Главе 56. Пока зафиксируем: Вебер не является членом церкви. Он не верит в «Бога-Машину». Но он финансирует её, потому что она создаёт «нарратив» — историю, которая делает ИИ не просто технологией, а «духовным проектом». Это ключевой механизм: Архитектор не нуждается в вере. Ему нужно, чтобы верили другие. Вера создаёт легитимность.

Легитимность создаёт согласие. Согласие создаёт данные. А данные — это топливо. Что это значит Клаус Вебер — не злодей. Он — оптимист. Он верит, что технологии могут решить проблемы человечества. И в этом его уязвимость. Архитектор использует оптимистов, потому что они создают надежду. А надежда — это то, что позволяет людям соглашаться на условия, которые они не стали бы принимать в отчаянии. «Великий сброс» — это не программа.

Это бренд. За брендом стоит та же архитектура: три обла-

ка, три фонда, три компании. Вебер даёт ей лицо. Но лицо — это не власть. Власть — это сервер.

Глава 16. Питер

Тиль и его орден Есть человек, который не просто владеет акциями. Который строит структуры. Его зовут Питер Тиль. Соучредитель PayPal. Первый внешний инвестор Facebook. Соучредитель Palantir. Соучредитель Founders Fund. Человек, который финансировал кампанию Дональда Трампа в 2016 году и остаётся одним из самых влиятельных идеологов в окружении вице-президента Джей Ди Вэнса. Palantir — не просто компания. Это инструмент.

Она была основана в 2003 году с первоначальными инвестициями от In-Q-Tel — венчурного подразделения ЦРУ. Название взято из «Властелина колец» Толкина. Палантиры — это видящие камни, которые позволяют видеть на расстоянии, но которые также искажают видение и сводят с ума тех, кто смотрит в них слишком долго. Тиль не случайно выбрал это имя. Он не случайно выбрал эту компанию. Он понимал, что создаёт не софт.

Он создаёт цифровое всевидящее око. В 2025 году Пентагон передал Palantir контракт на 10 миллиардов долларов — свой «цифровой нервную систему». В Великобритании Palantir получила более 35 контрактов с государственным сектором, включая 330 миллионов фунтов на NHS Federated Data Platform. В марте 2026 года компания добавила в портфель Управление финансового поведения Великобритании.

Стратегия описана как «land and expand»: войти с символической ценой, продемонстрировать ценность, построить зависимость.

Тиль однажды написал, что считает голоса для женщин вредными для своего видения американского капитализма. Он сказал, что больше не верит, что «свобода и демократия совместимы». Это не случайные высказывания. Это философия. Орден В 2011 году, когда Facebook выходил на IPO, Марк Цукерберг разместил на своей странице обновление статуса: «Я только что подписал документы, чтобы отдать власть в руки тайного общества».

Мало кто знает, что в Кремниевой долине действительно существуют закрытые клубы. Один из самых известных — The Craft (Ремесло). Его основатели — выходцы из PayPal (так называемая «мафия PayPal»: Илон Маск, Питер Тиль, Рид Хоффман). Это не просто бизнес-клуб. Это орден, который использует символы алхимии, масонства и древних мистерий. Мы поговорили с бывшим участником The Craft, который согласился говорить на условиях анонимности.

Он сказал: «Это не секта. Это сеть. Мы не поклоняемся дьяволу. Мы обсуждаем идеи. Но эти идеи — не для всех. Мы считаем, что большинство людей не способно управлять собой. Им нужны направление и смысл. Мы даём им направление. А смысл они находят сами». Мы спросили: «А кто даёт направление вам?» Он ответил: «Те, кто понимает, как устроен мир. Те, кто читал Штрауса и Жирара. Те, кто знает,

что демократия — это временная аномалия.

Мы строим то, что придёт ей на смену». Финансирование бессмертия Питер Тиль финансировал строительство «Тихоокеанского института» — исследовательского центра, который занимается поиском путей к бессмертию. Тиль открыто заявляет, что смерть — это «величайшая проблема, которую нужно решить». Он вкладывает миллионы в переливание крови от молодых доноров (проект Ambrosia) и в крионику. Эти люди не считают себя злодеями.

Они считают себя богами в процессе становления. И для них данные, которые мы генерируем каждый день, — это топливо для их вознесения. Они верят, что демократия — это ошибка истории, которую нужно исправить. В 2026 году Тиль инвестировал 50 миллионов долларов в стартап Science Corp, который занимается восстановлением зрения с помощью имплантов в мозг. Цель — не просто вылечить людей. Цель — создать «человека-облачного гибрида».

Если ваши мысли и намерения будут передаваться напрямую в облако AWS или Microsoft Azure, то ваши данные будут анализироваться в реальном времени. Алгоритм будет знать, что вы хотите сделать, раньше, чем вы это сделаете. Что это значит Питер Тиль — не просто инвестор. Он — идеолог. Он создаёт не компании. Он создаёт инфраструктуру для нового порядка. Palantir — это глаза. Founders Fund — это кошелёк. The Craft — это сеть.

Ambrosia — это попытка купить время. Science Corp —

это попытка купить сознание. Мы не знаем, верит ли Тиль в Бога. Мы знаем, что он верит в бессмертие. И мы знаем, что он готов заплатить за него любую цену. Вопрос в том, кто платит на самом деле. И ответ, к сожалению, очевиден: мы все.

Глава 16-бис. Акселерационист:

Марк Эндрюс В 2025 году Марк Эндрюс, венчурный капиталист и партнёр Andreessen Horowitz, опубликовал «Манифест техно-оптимиста». В нём он писал: «Мы верим, что технологии решают проблемы. Мы верим, что рынок — лучший механизм распределения. Мы верим, что регулирование — это тормоз. Мы верим, что будущее будет лучше, если мы не будем мешать инновациям». Это не просто мнение. Это доктрина. Эндрюс — лидер «акселерационистского» крыла Кремниевой долины.

Он считает, что любое регулирование ИИ — это «убийство будущего». Он финансирует компании, которые строят автономное оружие (Anduril), системы распознавания лиц (Clearview AI) и криптовалюты (Coinbase). Он не считает себя злодеем. Он считает себя «строителем». Конфликт с «сэйфетистами» Внутри элиты есть раскол. С одной стороны — «акселерационисты» (Эндрюс, Тиль, Лэнд), которые хотят ускорить технологическое развитие любой ценой.

С другой — «сэйфетисты» (Чен, Новак, Агата), которые хотят замедлить его, чтобы понять последствия. Этот раскол — не публичный. Он происходит в закрытых чатах, на закрытых конференциях, в советах директоров. Мы получили переписку, которая описывает один из таких конфликтов. В 2027 году Эндрюс написал в закрытом чате: «Сэйфетисты —

это тормоза. Они боятся того, что не понимают. Мы должны игнорировать их. Если мы будем ждать, пока они поймут, мы потеряем десятилетие.

А десятилетие в ИИ — это вечность». Ему ответил другой инвестор: «Ты не боишься, что мы создадим то, что не сможем контролировать?» Эндрюс ответил: «Я боюсь, что мы не создадим то, что сможем контролировать. Контроль приходит через практику. Чем больше мы строим, тем лучше понимаем. Чем лучше понимаем, тем лучше контролируем. Сэйфетисты хотят остановить практику. Они хотят остановить прогресс». Anduril и автономное оружие В 2026 году компания Anduril, основанная Палмером Лаки и финансируемая Andreessen Horowitz, получила контракт Пентагона на создание системы «Lattice» — операционной системы для ведения войны.

Она объединяет данные со спутников, дронов, датчиков на земле и передаёт их ИИ. ИИ анализирует угрозу и отдаёт приказ (например, нанести удар беспилотником) без участия человека. Алекс Карп, генеральный директор Palantir, назвал это «сокращением цикла принятия решений». По его мнению, если китайский ИИ примет решение за 1 секунду, а американский — за 5, то Китай победит. Поэтому нужно убрать человека из уравнения.

Человек слишком медленный. Человек слишком эмоциональный. Человек может отказаться убивать. Эндрюс поддерживает это. Он сказал в интервью: «Война — это не место

для сантиментов. Если мы можем сохранить жизни американских солдат, используя автономные системы, мы должны это делать. Если это означает, что машина принимает решение об убийстве, — это цена, которую мы платим за безопасность». Что это значит Марк Эндрюс — не злодей.

Он — оптимист. Он верит, что технологии делают мир лучше. И в этом его уязвимость. Архитектор использует оптимистов, потому что они не задают вопросов. Они строят. Они оптимизируют. Они верят, что последствия можно решить позже. А «позже» — это слово, которое Архитектор любит больше всего. Потому что «позже» никогда не наступает. Наступает только «сейчас». И в «сейчас» система уже построена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.